

ГЛАВА 5. УЛЫБКА, ПОДОБНАЯ ВЕСЕННЕМУ ВЕТРУ

Реакция Бай Юйтана заставила Сян Фу почувствовать себя незаслуженно уязвлённым. Обида быстро переросла в глухое раздражение, и, заметив, что Пятый господин то и дело бросает взгляды на юношу в голубом, сидевшего у окна, он решил отыграться хотя бы на словах.

— Достойный младший брат Бай, неужели этот отрок тебе приглянулся?

Любоваться статным юношей было делом естественным, тем более что тот обладал красотой незаурядной. Бай Юйтан, считавший себя первым ценителем изящного в поднебесной, вынужден был признать: столь безупречного лика он ещё не встречал. Оторвать взгляд мешали не только черты лица, но и сама аура незнакомца — от него исходило некое притягательное благородство, располагавшее к себе вопреки воле.

— Хм? — Бай Юйтан, разумеется, уловил ядовитый подтекст в словах Сян Фу, но и бровью не повёл. Он лишь насмешливо приподнял бровь: — Верно подмечено. Смотреть на него куда приятнее, чем на твою физиономию.

— О как! Ну, в этом ты прав. Рядом с нами, грешными, он и впрямь выглядит картинно. Издалека я бы его и вовсе за девицу принял, — Сян Фу, хоть и сам признавал красоту юноши, из-за подначки Бай Юйтана пошёл наперекор совести, пытаясь уколоть собеседника.

Бай Юйтан уже поднялся, намереваясь выйти, и хотел было бросить в ответ пару едких замечаний в защиту юноши, как вдруг снизу донёсся шум и крики.

— Господин Мяо, умоляю вас, дайте ещё немного времени! Я обязательно...

— Нет! Я и так ждал слишком долго. Либо ты, старик, выкладываешь деньги сегодня же, либо забираю твою внучку в счёт долга...

Голос, прозвучавший из кутерьмы, был грубым, надтреснутым и крайне неприятным на слух.

Бай Юйтан был человеком, чья приверженность эстетике граничила с одержимостью. Его девиз «всё уродливое не смеет попадаться мне на глаза» не был пустой похвальбой — он и впрямь судил о людях по их облику и манерам. Слышать подобный скрежет вместо нормальной речи было для него едва ли не физической пыткой.

Собственно, этот крикун вызывал у него такое же желание поскорее избавиться от помехи, как и назойливый Сян Фу.

— Тьфу, какой мерзкий голос, а всё туда же — орать на всю улицу. Совершенно неблагородно, — проговорил Бай Юйтан. Его собственный голос, в противовес захрипевшему внизу богатею, звучал чисто и звонко, хоть и был пропитан безграничным высокомерием.

Казалось, этот нрав пришёлся по душе юноше в голубом. Стоило Бай Юйтану закончить фразу, как издали — не слишком близко, но и не чересчур далеко — донёлся тихий звук. Это был едва уловимый, прозрачный смешок. Он прозвучал так легко, словно в знойный день по камням пробежал чистый горный ручей.

— Хех...

— Щенок! Когда взрослые разговаривают, не смей вставлять свои пять копеек! Ты вообще...

Здоровяк внизу не успел закончить свою тираду. Он внезапно почувствовал тупую, оглушающую боль в челюсти, а во рту мгновенно разлился солоноватый привкус крови и меди. Перед глазами мелькнула белая тень, и вот уже перед ним, в позе невыразимого превосходства, застыл молодой человек в белоснежных одеждах.

— Сколько задолжал старик? — Бай Юйтан небрежно поигрывал веером. — Считаю, Пятый господин всё за него выплатил. А ты, образина, проваливай с глаз моих и больше не смей здесь показываться...

— Старик занял деньги позапрошлым летом. Пять лянов серебра. Сегодня, со всеми процентами, выходит тридцать пять лянов. Мальчишка, у тебя-то такие деньжищи найдутся?

Бай Юйтан лишь вскинул бровь. Весь его облик буквально вопил: «Ты в ком сомневаешься, смерд? Жизнь не мила?» Он небрежным жестом швырнул здоровяку слиток в пятьдесят лянов. Тот лишь глаза округлил от изумления.

Поселение Мяо никогда не претендовало на звание культурного центра, и появление здесь приличного кабака уже считалось событием. Местные жители, какими бы зажиточными они ни мнили себя в своих границах, по сути, не видели большого мира. Бай Юйтан же, плоть от плоти процветающей Циньхуайской Цзяннани и богатой Сунцзянской префектуры, обладал тем особым весом в каждом слове, который даётся лишь происхождением и золотом. Несмотря на то что он был младше господина Мяо лет на тридцать-сорок, его аура подавляла.

Пятьдесят лянов — сумма огромная. Обычной семье на год хватало пяти-шести, а тут какой-то юнец швыряет тридцать пять за чужой долг, даже не моргнув. Посетители замерли, вытаращив глаза в немом удивлении.

— О... господин, должно быть, приезжий? Может...

Заметив, что здоровяк пытается втереться в доверие, надеясь на поживу, Бай Юйтан брезгливо поморщился. Его Белый нефритовый веер с сухим щелчком раскрылся.

— Избавь меня от своего общества. Просто отдай Пятому господину пятнадцать лянов сдачи, и на этом закончим. К чему эти пустые разговоры?

Мужик, подавив ярость, покосился на юношу в расшитом шёлке. Мир казался ему несправедливым: одни всю жизнь из кожи вон лезут, интригуют и потеют ради крох богатства, а другим всё даётся по праву рождения. И теперь ему, зрелому мужу, приходилось склонять голову перед пятнадцатилетним наглецом. Обидно до скрежета зубовного.

На самом деле Бай Юйтану эти пятнадцать лянов были не нужны, он потребовал сдачу лишь затем, чтобы заткнуть болтуна. Но когда господин Мяо с явной неохотой протянул ему серебро, Юйтан ощутил лишь гадливость.

Руки у этого человека были безобразны. Совсем не такие, как у того юноши в голубом, который недавно протирал меч — у того пальцы были чистыми, тонкими, с чётко очерченными косточками. Любо-дорого смотреть.

— Отдай старику, — Бай Юйтан даже не потянулся за деньгами, а просто отвернулся, демонстрируя крайнюю степень пренебрежения.

— Что?

— У тебя слишком уродливые руки.

Многие в зале подумали одно и то же: «Ну и сумасброд!» Пятнадцати лянов хватило бы скромной семье на пару-тройку лет безбедной жизни, а этот белоснежный франт отказался от них по столь нелепой причине. Впрочем, они не знали, что любая безделушка на поясе этого юноши стоила в разы больше брошенного серебра.

Здоровяк уходил нехотя. В кармане у него лежали законные тридцать пять лянов, но в придачу он получил побои, которых никто в зале даже толком не заметил. Лишь сам пострадавший чувствовал, что с этим белошвейным «мальчиком» шутки плохи — вкус крови во рту до сих пор не исчез.

— Дедушка, вы столько времени простояли на коленях. Присядьте, отдохните, выпейте чаю. Долгий поклон вреден для суставов.

Голос прозвучал мягко и учтиво. В нём слышалось журчание родника среди камней — прохладное, чистое. Не фамильярное, но и не ледяное; голос человека, который чётко держит безопасную дистанцию.

Бай Юйтан вскинул взор, и в глазах его вспыхнул огонёк интереса. Юноша в голубом стоял у самой лестницы. Он мягко и почти неуловимо улыбнулся. В этой сдержанности крылось какое-то странное искушение, заставлявшее невольно хотеть подойти ближе.

Бай Юйтан поймал себя на мысли, что сегодня он сам на себя не похож — всё его внимание приковано к этому незнакомцу.

— Дедушка, а что за человек этот господин Мяо? Расскажите-ка поподробнее.

Движения юноши, разливавшего чай, были полны изящества: левой рукой он двумя пальцами придерживал крышку, а правой уверенно держал ручку чайника. Струя воды с приятным звуком наполняла пиалу.

Бай Юйтан обожал вино и не жаловал чай. Однако в его доме жила невестка, знавшая толк в церемониях, да и мастер Хуэйпинь частенько захаживал в поместье Бай. Волей-неволей Юйтан научился отличать мастера от дилетанта.

Этот юноша, несмотря на годы, владел чайником почти так же искусно, как старый монах. Но Юйтану казалось, что у него это получается куда красивее. Всё-таки перед ним был прекрасный сверстник, а не старый лысый буддист.

— Эх, господин Мяо в нашем поселении — фигура важная. Юноша, вам бы лучше не связываться в это дело, — старик посмотрел на сидевшего перед ним юношу с невольной нежностью, вспомнив о внучке, которая была того же возраста.

— Ничего страшного. Я здесь человек проезжий. Говорите смело, — юноша поставил чайник и отпил глоток из простой чашки. Он тут же слегка нахмурился и покачал головой: — Чай скверный.

Не обратив внимания на это замечание, старик заколебался, чувствуя, что перед ним человек непростой, но сердце всё равно болело.

— Господин, это дело и впрямь...

— Дедушка, вы же не думаете, что господин Мяо, потерпев сегодня такое унижение, не отыграется на вас позже? Скорее всего, тридцать пять лянов господина Бая будут потрачены впустую.

Эти слова, сказанные тоном лёгким и беззаботным, били не в бровь, а в глаз.

Бай Юйтан задумался: а ведь и верно. Стоит ему уехать, и этот местечковый царёк замучит беззащитного старика.

Решив послушать дальше, Бай Юйтан сел за свободный столик и велел подать кувшин «Дочери Красной». Он внимательно прислушивался к разговору за соседним столом. Юйтан поймал себя на странном ощущении: кажется, этому юноше в голубом невозможно было отказать ни в чём.

Возможно, он сам не смог бы ему отказать, а потому проецировал это чувство на всех остальных — в чём позже и признался Цзян Пину.

— Эх, ваша правда... — Старик безнадежно вздохнул. Он понимал: старый, немощный дед и внучка-красавица, которая из дома-то не выходит, только шитьём на жизнь копейку зарабатывает — им не сдюжить против всевластного господина Мяо. — Мяо тут самый богатый. И с уездным начальником в доле, так что...

Оказалось, связи господина Мяо в управе были крепкими: сына он пристроил в стражники, и тот, пользуясь положением, творил что хотел. Люди терпели, стиснув зубы.

Мяо действовал подло: давал в долг именно тем семьям, где подрастали красивые дочери. Стоило сроку выйти, а деньгам не найтись — он забирал девиц. Кого в наложницы, кого перекупщикам на продажу. Выгодное дело.

Дом его найти было проще простого — единственная настоящая усадьба на всё поселение Мяо.

Услышав это, Бай Юйтан уже всё для себя решил.

Пока он искал приличное заведение, он успел обойти почти всё поселение. То, что старик называл «усадьбой», в глазах Юйтана было простоватым домом. Даже внутренний двор в Тереме Тумана и Дождя выглядел в сто крат богаче.

Бай Юйтан наблюдал, как юноша у окна едва заметно поджал губы, а затем снова едва уловимо улыбнулся. У самого Юйтана настроение тоже необъяснимо улучшилось. Раздражение от встречи с Сян Фу и мерзким здоровяком испарилось, сменившись странным теплом при взгляде на соседа.

Пятнадцать лет — возраст первой робкой влюблённости, когда сердце готово пуститься вскачь от случайного взгляда. И хотя Бай Юйтан слыл человеком светским и искушённым, в подобных чувствах он смыслил мало.

В тот миг он не анализировал свои мысли. Просто видел: незнакомец улыбается — и на душе становится светло. Это было странно, но приятно, и он позволил этому чувству захлестнуть себя, не задавая лишних вопросов.

Ему казалось, что улыбка этого человека — точно весенний ветер, пробравшийся в самое сердце.

<http://bllate.org/book/17405/1653356>